

ЭПОХА КРОВИ:

ФЕРМА
ГОРОД

Елена Янук

Ферма

RUGRAM

Москва
2022

УДК 82-312.9
ББК 84.4(2Рос-Рус)
Я60

Янук Е.

Я60 Ферма / Е. Янук — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 342 с. — (Эпоха крови).

ISBN 978-5-521-92936-8

Не очень далекое будущее. Вырвавшийся из лабораторий вирус делит население земли на носителей и просто людей. В течение ста лет, выжившие в кровавых событиях мутанты, которых в просторечии называют упырями, строят некое подобие феодального общества, полностью превращают людей в ком.

Протестные движения и попытки освобождения остаются в прошлом. На планете людей меньше процента. Из-за угрозы голодного вымирания упыри организуют некое подобие ферм, на которых разводят людей.

Счастливых владельцев ферм мало, остальное население, обращенное в мутантов, бродит по свету в поисках пропитания — человеческой крови, без которой теряют силу, а при длительном голодании и рассудок, превращаясь в диких зверей. Напряжение между сытой элитой и голодными упырями нарастает. Голодные начинают нападать на фермы, угрожая полностью уничтожить пропитание для элиты.

На фоне всеобщего упадка разворачивается история молодой девушки, попавшей из детского питомника на ферму.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-92936-8

© Елена Янук, текст, 2022
© Яна Цилибина, обложка, 2022
© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Часть первая ФЕРМА

*Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы.
Но трусливых душ не было меж нас.
Мы стреляли в них, целясь между глаз.*

Николай Гумилев

Пролог

— Пошла отсюда! Прилипла к стене! — Главный охранник детского питомника в раздражении замахнулся и, оказавшаяся не в том месте и не в то время, Восемьдесят восьмая отлетела к темно-зеленой бетонной стене коридора. Ей повезло, что у него в руках ничего не оказалось, да и удар пришелся вскользь, что называется «замахнулся не с руки».

Восемьдесят восьмая отделалась только шишкой на голове и синяком на колене — остальные охранники, жадно следившие за происходящим, этим фактом были явно разочарованы.

Девушки вокруг меня возбужденно загудели, выражая этим гомоном скорее любопытство, чем возмущение или сочувствие. Но тут же последовал злобный окрик главного охранника и все мгновенно стихло. Наше стадо, опустив головы, послушно прижалось к стене. Однако, несмотря на это, главный еще раз рывкнул:

— Вы!.. Заткнулись! — и, обведя нас полным ненависти взглядом, обратился уже к охране. — Где недоносок, что пошел за ключами? Долго мне еще их ждать?! — Бесцветные, как у всех упырей, живущих на полуголодной ежедневной пайке, глаза главного охранника постепенно наливались кровью.

Само по себе это зрелище не из приятных: под наплывом крови зрачок делался едва заметен, глаза упыря становились полностью кроваво-красными, теряя последнее сходство с человеческим взглядом. Это значило, что упырь вот-вот утратит

контроль и здесь начнется резня, в которой никто из людей не выживет.

Только вчера вечером, когда таскала в прачечную грязные пеленки, услышала разговор двух надзирателей, которые жаловались, что хозяева совсем обнаглели и держат их впроголодь, что они начинают высыхать. И сейчас им нужен только повод, чтобы начать резню.

Я с ненавистью оглядела толпу охранников у входа, но тут же опустила взгляд. Встрепенувшись, Восемьдесят восьмая с трудом по стеночке поднялась и бессмысленно улыбнулась в пустоту. И вновь куда-то направилась. Внутренне напрягшись, я не сводила с нее глаз. Лишь бы она не издавала звуков! Иначе упыри от нее точно не отстанут, пока не доберутся до крови. Тогда всем нам конец...

Восемьдесят восьмая через минуту вновь оказалась на пути стражей, а все от того, что нас бросили в узком коридоре, где из-за вделанных в стену клеток для скота и втроем разойтись непросто. Чтоб ее не покалечили, я быстро схватила девушку за руку и живо подтянула к себе, убирая из-под удара, идущего с ключами упыря. Пребывая в своих непонятных фантазиях, благо она не сопротивлялась. Повезло, что у девушки спокойная фаза. Будь она в возбуждении, мне бы не поздоровилось.

Наконец, принесли ключ и нас всех затолкали в одну клетку.

Я с облегчением отпустила руку Восемьдесят восьмой, все еще не сводя с нее настороженного взгляда. Теперь хоть никто не будет ее пинать. Для охраны нет большей радости, чем под предлогом сопротивления разбить голову скоту и добраться до бесплатной крови. Но для Восемьдесят восьмой ничего не изменилось, девушка так и пребывала в своих мыслях, и шуметь не собиралась...

Мне вдруг стало так ее жаль! За что это все с нами?..

Поддавшись эмоциям, я на миг обняла ее... Главный охранник, который сопровождал нас до продажи, уставился на меня тяжелым взглядом. Я тут же отодвинулась и, опустив голову, прижалась к стене. Меня злило собственное волнение о девуш-

ке: зачем ее жалеть, ведь в отличие от меня, ее и так помиловала природа, лишив рассудка.

Силы стоять быстро кончились, и я устало присела на корточки. Запахнула края грубого балахона, прикрыв им носки, (обувь нам не полагалась). От холода я сжалась в комочек и принялась до головокружения дышать на продрогшие ладони. Эх, если бы можно было теплым дыханием достать до заледеневших ног!.. Я устало сжала озябшие руки в кулаки, пытаясь согреться.

Теперь бы дожидаться броневиков-перевозчиков!

Равнодушно рассматривая незнакомый коридор, нас сюда до этого никогда не приводили, я удивлялась, как внезапно все изменилось. Только два дня назад нашу 0546-группу признали созревшей и решили отправить на расплод, как тут же пришли заказы с ферм.

Девушек тщательно перебрали. Лучших пятнадцатилетних забрали на личные фермы архонта и его родственников, а отходы, типа меня, — собрали и под охраной привели сюда, в сортировочный узел, чтобы отправить в дикие места к неизвестным хозяевам.

Подписав разрешение на продажу, довольно потирая руки, хозяин детского питомника сказал:

— Пришло время и вам продолжить род людской... — Он еще много чего говорил, но мои безумные спутницы остались равнодушны, а я скривилась от отвращения. В питомнике я много возилась с малышами, и даже очень любила это занятие, но самой иметь ребенка? Ни за что!

Я не желаю такого никому! Никому не желаю стать кормом, тем более, своему ребенку! И, надеюсь только на то, что для меня все быстро кончится.

Время тянулось и тянулось очень медленно. Сидя в коридорной клетке с остальными проданными на развод девушками из 0546-группы, ничего не оставалось, как наблюдать за охранниками, вечно голодными, терпящими приказы хозяев только из-за ежедневной порции крови. Вот уж кто никогда не менялся так это упыри — абсолютно неинтересное зрелище.

Пятьдесят четвертая громко застонала, за что один из охранников с остервенением ударил прикладом автомата по решеткам клетки, всполошив остальных. Кто хоть немного соображал, вжавшись в стену, замерли от страха, и я, в том числе, а те, кто мысленно обитал в далеких мирах, всполошились, громко вскрикивая и рыдая.

Это могло плохо кончиться, но нам «повезло», в приемное отделение, наставив на них оружие, завели десяток нормальных людей с воли: избитых, окровавленных, отчаявшихся, но нормальных. Видимо, это были две семьи, с ними вошли разновозрастные дети.

Я смотрела на них, не отрываясь.

Дети плакали, кто-то скрипел зубами, гневно оглядывая охранников. Тот, что ударил Восемьдесят восьмую, подхватил самого тощего из мужчин, одетого в штаны из сшитых лоскутов, и лохматую куртку с торчащими кусками меха, и куда-то поволок. Скорее всего, украл себе на обед, пока добытых людей не пересчитали и не сдали хозяину. За ним радостно потянулись остальные охранники.

Владелец питомника наверняка уже празднует. Такая удача, впервые за несколько лет где-то в лесах захватили скот, возвращенный не на спец. веществах, а на нормальном подножном корме. Говорят, у таких кровь намного сильнее и слаще.

Пятнадцать лет назад меня похожим образом доставили сюда. Отец погиб еще в лесу, защищая нас. Мама закрыла мне ладонью глаза, чтоб я ничего не видела. В памяти остались только хруст кости и сосущие звуки. Она умерла чуть позже, ее забрал кто-то из окружения архонта и высушил досуха. Когда-то давно, оставшись одна, я сильно страдала, а сейчас... сейчас полностью окаменела.

И я знала, что будет с этими людьми. И даже не сочувствовала.

Собранный сегодня «урожай» поделят. Стариков — на утилизацию, молодых мужчин — на фермы с частой дойкой, женщин — на расплод. Только детей оставят, и будут терпеливо выращивать для элиты, упырей из окружения главного архонта.